

ку, я вдруг подумал: как несправедливо, что эти дети не могут видеть вас. И ещё одна сумасшедшая мысль промелькнула внезапно в моём мозгу: а вдруг, если заставить их улыбнуться, хоть кто-нибудь из этих обречённых поправится? Можете считать меня сумасшедшим, но хочу вас попросить — поедemте со мной в больницу, к этим детям! Понимаю, вы устали, и заплатить за выступление нам нечем, но если бы вы видели их глаза... Я бы отвёз вас туда и обратно, машина у ворот.

— Идёмте, — просто ответил клоун, на ходу сметая в мешок весь свой реквизит, всё, что попало под руку. «Хорошо, что я не успел снять грим», — мимоходом подумал он.

Несмотря на позднее время, дети в больнице не спали. Большинство из них почти и не спало по ночам... Поэтому всех очень быстро собрали в холле: кто пришёл сам, кого привезли на кресле, для некоторых втащили кровати и бережно переложили на них с каталок.

В этот вечер клоун был неподражаем. Он и сам чувствовал, что это, пожалуй, его лучшее в жизни представление. Целый час без передышки — ведь он был один, и некому было занять публику между его выходами, — клоун пел, плясал, шутил, жонглировал разными предметами, играл на музыкальных инструментах, показывал фокусы... Дети не смеялись.

Клоун был обескуражен. Он собрал все свои силы и ещё целый час выступал перед детьми, показывая всё, на что был способен. Дети не смеялись.

И вновь, собрав остатки сил, клоун вышел на импровизированную арену. Он вспомнил всё, что знал и мог показать, — даже свои репризы на выпускном экзамене в цирковом училище. Сил хватило на этот раз на полчаса. Дети не смеялись. Один худенький мальчуган задремал, привалившись щекой к подлокотнику инвалидного кресла.

Клоун в изнеможении упал на стул в углу и шепнул заведующему:

— Всё. Больше не могу. Почему они не смеются?

И по страданию, написанному на лице доктора, по его закушенной губе понял, что и тот мучительно ждал хоть одной спасительной улыбки. И тоже не дождался...

— Спасибо вам, — наконец ответил он. — Вы были просто великолепы. Извините, что всё так нескладно... Вас отвезут домой. До свидания.

Клоун, шатаясь, волоча по полу мешок с реквизитом, поплёлся к выходу. И слышал за своей спиной змеиное шипение шин кресел и каталок, на которых детей развозили по палатам. В полном молчании.

Попав в свой номер далеко за полночь, усталый до судорог, клоун всё равно не смог уснуть до утра. Перебирал в памяти все мелочи своего выступления. Думал, почему дети не смеялись. А утром, когда артисты собирались к отъезду из города, сказал директору труппы:

— Я останусь здесь ещё на день по личным делам. Догоню вас на самолёте.

И, провожаемый озадаченными взглядами, поспешил к больнице.

Заведующий удивлённо посмотрел на вчерашнего гостя.

— Можно мне и сегодня выступить перед детьми? — спросил клоун.

Доктор грустно и понимающе улыбнулся.

— Вы смотрели в их глаза? Теперь вы понимаете меня, — медленно проговорил он. — Знаете, каждый раз, когда я получаю новое лекарство, у меня возникает чувство надежды, хотя понимаю, насколько она призрачна. Последний раз я испытал его вчера, перед вашим выступлением. И снова напрасно...

На этот раз клоун действительно превзошёл самого себя. Увидев его кто-нибудь из его обычных зрителей, наверное, хохотал бы до упаду.

Но дети не смеялись.

Не зажигая света, клоун сидел в своём гостиничном номере. До самолёта оставалось совсем немного времени, но ему не хотелось никуда лететь. Вообще ничего не хотелось. За один день рухнула его уверенность в собственных способностях, в правильности и смысле жизни. Что толку веселить сытую и здоровую публику? Он не смог как следует сделать главное дело своей профессии — подарить улыбку тем, кто в ней больше всего нуждался. Всё, что

Художник С. В. Алексеев

было, что казалось достижениями, успехом, — всё оказалось напрасной тратой времени, сил, судьбы...

Весёлый клоун плакал.

Он не заметил, как приотворилась незапертая дверь, и луч света из коридора упал на детскую фигурку в дверном проёме. Очнулся клоун, когда худенькая рука тронула его за плечо.

— Дяденька клоун, вы что, плачете?

Проглотив слёзы и сдержав удивление, клоун ответил:

— Нет, просто задумался. А ты как сюда попал? Тебе надо лежать в постели!

Он узнал одного из своих маленьких строгих зрителей. Этот мальчик был из тех немногих, кто смог прийти на его выступление самостоятельно.

— Меня послали все ребята поблагодарить вас за выступления. Мне удалось тихонько ускользнуть от санитарок. Нам всем очень-очень понравилось, и мы не хотели, чтобы вы уехали, не услышав наше спасибо.

— Но почему же вы не смеялись? Я так старался вас развеселить. А один малыш даже уснул...

— Мы не в силах смеяться. Нам всем очень больно, постоянно, мы не можем об этой боли забыть, и день, который мы проводим без стонов и плача, для нас кажется счастливым. А когда вы выступали перед нами, то мы на время забыли о боли. Я расспрашивал ребят — они все чувствовали то же самое. А тот паренёк — он уснул в первый раз за две недели, до этого он все ночи плакал, и мы так обрадовались, когда он наконец смог задремать! А ещё больше мы обрадовались, увидев вас во второй раз.

— Правда?

— Ага.

Мальчик выглядел измученным — видно, дорога далась ему нелегко. Клоун взял ребёнка на руки, завернул в своё пальто и понёс назад, в больницу. Он шёл по ночным улицам, держа мальчика на руках. Гастрольная жизнь не дала ему возможности иметь семью, своих детей, и он с радостным удивлением привыкал к ощущению маленького тёплого тельца в своих объятиях — артист испытывал это впервые в жизни. В мерцании уличных фонарей, бросавших полосы света на лицо мальчонки, угрюмшегося и задремавшего в его руках, клоуну казалось, что на бледном личике возникает тень улыбки. И тогда он нежно улыбался в ответ.